

Все говорили, что Бог забрал голос этого ребенка и вместо этого подарил ему несравненные таланты.

Двенадцатилетний Лэндер в то время еще не был бессердечным высокомерным уродом, он был просто замкнутым, импульсивным маленьким мальчиком, даже немного ребячливым.

— Эдвард, ты можешь мне немного помочь?

Лили трясла своими длинными вьющимися волосами, стоя на стуле на цыпочках и пытаясь повесить омелу на стену. Но она была очень маленькой, ее короткие ножки всегда приводили к неудачам, когда она собиралась добиться успеха. Она сердито посмотрела на мальчика, который удобно свернулся калачиком на диване и читал.

— Эдвард! Не притворяйся, что не слышишь!

Эдвард не потрудился даже поднять на нее глаза, в нем не было даже капельки братской привязанности.

— Я папе расскажу!

Лили обняла омелу и слезы дождем выступили из ее глаз.

Возможно, характер Эдварда был не особо ужасным, но в действительности с детства он уже был хладнокровным человеком. Его особенным навыком было то, что он мог блокировать все виды испорченных поступков и просьб. Слезы сестры не могли сдвинуть его с места, несмотря ни на что. Мальчик слегка отвел взгляд от страницы, поглядел на девочку, которая была на грани истерики, и своим выражением лица будто говорил ей: «Хочешь плачь, хочешь кричи на меня, не стесняйся».

— Санта не сделает тебе ни единого подарка, ты плохой ребенок! — Лили тихонько заплакала, очень быстро из баловства все переросло в громкий плач.

Еще остались представители человечества, верующие в Санту?.. Боже мой, где же гордость этого существа напротив?

Эдвард вынул из кармана два ватных шарика и засунул их себе в уши, начав изображать глухонемого ребенка.

«Девчонка с жидкостью вместо мозга», — подумал он, погружаясь в свою книгу и тем самым блокируя шум вне беруш.

Это был последний раз, когда мальчик слышал плач Лили.

Банда грабителей ворвалась в дом Ландеров в эту предрождественскую ночь, и беззвучный мир мальчика перевернулся.

Много лет спустя Лэндер узнал, что кто-то нанял просто кучку наемных убийц и головорезов.

Лили били об стену, как собаку. Когда она была жива, не было момента, когда она не поднимала бы шума, но в последний момент жизни она не могла даже позволить стону сорваться с губ.

Под темным небом Лондона во все более ожесточенной антинаучной борьбе безработные рабочие массово протестовали, защитники окружающей среды и религиозные экстремисты обвиняли всех ученых, называя их «первыми в очередь прямиком в ад». Были также бесстыдные капиталисты, которые увидели возможность для бизнеса, приняли образ мышления о ловле рыбы в мутной воде¹, воспользовавшись изменениями, чтобы перенять все передовые технологии того времени.

Так же, как Джордано Бруно² был сожжен заживо, а Коперник³ заключен в тюрьму, каждый раз, когда происходили изменения, всегда приходилось приносить множество жертв ради великого дела.

[¹В мутной воде рыбу ловить (浑水摸鱼 [hún shuǐ mō yú])— извлекать выгоду, корыстно пользуясь какими-н. чужими затруднениями, неурядицами.]

[²Итальянского философа Джордано Бруно в 1600 году сожгли живьем по обвинению в ереси в Риме. Джордано Бруно утверждал, что Вселенная не имеет центра, а звезды — не что иное, как далекие солнца, вокруг которых вращаются планеты и луны.][³Польский астроном Николай Коперник (1473–1543 гг.) — создатель современной гелиоцентрической модели мира, согласно которой в центре Солнечной системы находится не Земля, а Солнце.]

Но должны ли им быть жертвы течения времени? Разве Бог не сказал, что все в этом мире рождены равными? Разве они не были детьми Бога? Разве их существование не делало жизнь людей лучше?

Отец Эдварда выбросил его из окна второго этажа, и прежде чем мужчина успел обернуться, он получил огнестрельное ранение в грудь.

Ватная затычка для ушей с одной стороны, которая разделяла мир Эдварда, выпала, и он услышал крики своей матери, эхом отдающие по всему дому, пока все не прекратилось.

Мальчик, который упал и сломал ногу, изо всех сил пытался ползти, его руки, державшие книгу, оставляли мокрые следы на заснеженной земле. Он пошатывался, пытаясь позвать на помощь каждого, кого мог найти, но все прохожие разбежались с того момента, как послышался первый выстрел. Входная дверь соседского дома была залита свежей кровью, сочившейся из пальцев мальчика. Никто не открыл ему дверь.

Пока капли крови капали на порог, а он стоял на коленях в снегу, сердце мальчика охватило пламя ненависти. Он возненавидел человечество, он возненавидел весь мир.

Почему бы дуракам, которые жалуются, что машины лишают их возможности трудоустройства, просто не умереть? Какое право имели существа, не обладающие минимальным человеческим интеллектом, оставаться на этой земле, тратя впустую солнечный свет и воздух?

Именно тогда он внезапно услышал голос женщины, говорящий:

— Боже мой, дитя, что случилось? Тебя ограбили?

Обида, холод и боль охватили ужасно затекшие тело Эдварда. Он ошеломленно повернул голову. В туманном свете он, казалось, увидел толстую женщину, а затем услышал другой голос, который он не забывал ни секунду всю последующую жизнь:

— Мама, дай мне.

Эдварда кто-то поднял на руки. Ненависть в его глазах еще не угасла, но сквозь слезы он увидел черноволосого черноглазого мальчика. Арно в то время тоже был подростком — хотя он был худощав, телом он уже походил на взрослого человека, а лопатки, лишенные мускулов, делали его похожим на птицу, которая еще не отрастила свои крылья и не распустила перья.

Флисовая куртка мальчика терлась о лицо Эдварда, и чувствовалась сырость особого лондонского тумана, мокрого и холодного. Он был там один, словно погрязший в грязном болоте.

Когда Эдвард пришел в себя, он обнаружил, что все время смотрел на подбородок мальчика.

Черноволосый подросток старательно избегал травмированной ноги, словно нес раненую бродячую кошку. Эдвард слышал, как толстая женщина жаловалась, что жить нынче стало небезопасно. Мальчик мало говорил и, казалось, был безразличен к словам матери, он не открывал рта, только иногда останавливался, чтобы поправить позу Эдварда. Его движения были очень осторожными.

Его тонкие пальцы убрали спутанные волосы с лица Эдварда. Казалось, у Арно глаза были обсидианового оттенка, что могли втянуть всю тьму и лондонскую грязь.

— Тебе так больно?

Эдвард наконец услышал голос мальчика, и плотина ненависти, построенная в его сердце, беспрепятственно рухнула, наводнения прокатились по всей его подростковой душе. Он внезапно повернул голову, уткнулся лицом в грудь черноволосого подростка, но на его темно-коричневую куртку так и не попали чужие слезы.

Много лет спустя Лэндер все еще отчетливо помнил ощущение этой ткани. Казалось, что на весь Лондон осталось только одно такое объятие. Как последнее пристанище для его естественно рожденной извращенной души, растущей исключительно для зла.

<http://tl.rulate.ru/book/56433/1439403>